

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЗОРИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e.zorina@spbu.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАМЫСЛА АВТОРА (на материале рассказа М. Шишкина «Пальто с хлястиком»)

Анализируется синтагматическое членение художественного текста в структурном и модальном аспектах. Предметом анализа являются фрагменты текста (отрезки (части) текста, необходимые и достаточные для рассмотрения в грамматическом и семантическом аспектах) с синтагматическим расчленением. Синтагматическое членение в рассказе Михаила Шишкина «Пальто с хлястиком» не характеризуется как нарушение связности, а рассматривается в нарративном аспекте. При таком подходе выявляется иерархичность сверхфразовой структуры повествования. Иерархия фрагментов с синтагматическим расчленением обусловлена степенью эксплицитности средств связи и объемом конструкций и их частей, а также графическим оформлением (абзачным членением). На верхнем уровне иерархии оказываются фрагменты без эксплицитно выраженных средств связи. Для реализации концептуально значимого смысла здесь необходимо понимание имплицитных смыслов, которое находится в модальном поле читателя. Таким образом реализуется образ читателя произведения и интенция автора – воздействие (активизация) на сознание читателя. На нижних уровнях иерархии установку автора реализуют фрагменты, в которых синтагматическое членение маркировано различными эксплицитными средствами связи. Концептуально значимые смыслы реализуются в маркированных фрагментах текста через тему «частное – общее» в рамках ключевого мотива «времени».

Ключевые слова: текст, современный рассказ, синтаксическая расчлененность, восприятие текста, структура текста, конструкции экспрессивного синтаксиса

Для цитирования: Зорина Е. С. Синтагматическое членение текста в аспекте замысла автора (на материале рассказа М. Шишкина «Пальто с хлястиком») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 81–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.390

ВВЕДЕНИЕ

Современный художественный текст сегодня является материалом как для филологических, так и культурологических, психологических, прагматических и различных других направлений исследования. Однако интерес по-прежнему представляет художественная коммуникация как процесс взаимодействия двух субъектов речи: автора и читателя. Лингвистический аспект исследования имеет целый ряд категорий: категория диалогичности, категория «чужой речи», категория модальности, категория субъекта, эмотивность и т. д., а также описаний и определений собственно синтаксических единиц. Особенно следует отметить понятие «эгоцентрик» и работы Е. В. Падучевой (например, [9]); понятие «точки зрения», описанной Б. А. Успенским [12]. Результаты собственно грамматического направления исследования представлены в работе Г. А. Золотовой и ее учеников «Коммуникативная грамматика русского языка» [6]. Все эти категории, понятия и подходы к описанию художественного текста дают возможность анализировать его в нарративном аспекте, то есть обращаться к тексту как к смыслу, как к «по-

сланию человека человеку, порожденному коммуникативным намерением или потребностью» [5: 102]. Начало таким исследованиям, направленным на поиск методов и способов анализа текстовых единиц разного уровня в функционально-семантическом аспекте, было положено в изучении конструкций экспрессивного синтаксиса, что дало возможность основывать описание в аспекте замысла автора на собственно языковом анализе текста.

Интерес к грамматическому аспекту определяется целым рядом характеристик повествования современного художественного текста: нелинейное, многоплановое, многослойное, сложное по структуре, организуемое «образом автора». При этом анализ художественного текста всегда предполагает обращение к литературоведческому аспекту. Особое внимание здесь уделяется читателю. Например, в работах А. Ю. Большаковой проводится анализ «образа читателя» [1]. Термин возник по аналогии с термином «образ автора» В. В. Виноградова¹. С. В. Вяткина говорит о необходимости учета типа сознания современного читателя: клиповое сознание сопоставляется с понятийным (словесно-логическим) [2: 1084].

Е. С. Кубрякова отдельно указывает на «обозримость» формы рассказа в связи с относительно небольшой протяженностью текстов рассказов [8: 515]. Однако проследить реализацию замысла автора через анализ деконструкции, расчлененности синтагматической цепочки текста можно и на материале романной формы [7]. Для романной формы также необходим анализ сверхфразового уровня организации текста. «В основе синтаксиса текста лежит система строевых единиц, имеющих особую функциональную предназначенность, заключающуюся в формировании и выражении концептуально значимого смысла» [4: 78]. Концептуально значимые смыслы формируют замысел автора. Выявление концептуально значимых смыслов строится на анализе грамматики (синтаксиса) повествующего субъекта.

Таким образом, речь идет об анализе грамматической реализации повествующего субъекта в художественном тексте, который берет начало в работах В. В. Виноградова. В. В. Виноградов впервые сказал о «субъективно-экспрессивных формах синтаксиса». Признание экспрессивности на синтаксическом уровне произошло после изучения экспрессии на других уровнях языка. В 1960-е годы получили развитие идеи В. В. Виноградова с появлением и самого термина «экспрессивный синтаксис», который, как пишет Г. Н. Акимова, «применяется при описании отдельных синтаксических явлений письменной речи»², то есть экспрессивных синтаксических конструкций. При этом Г. Н. Акимова отмечает, что «ведущим среди экспрессивных построений является процесс сегментации». Конструкции экспрессивного синтаксиса образуют открытый ряд и описаны многими исследователями. Однозначно к конструкциям экспрессивного синтаксиса относят: парцелляцию, сегментацию и именительный темы, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции и особые случаи словорасположения.

Расчленение синтаксической цепочки приводит к тому, что конструкция, состоящая из отдельных частей, вмещает большее количество информации, так как появляется возможность для формирования имплицитных смыслов. В художественном тексте явление нарушения синтагматической связности оказывается шире каких-либо определяемых конструкций и должно анализироваться в аспекте замысла автора.

Обращаясь к современному художественному тексту, можно проследить, как нарушение синтагматической связности оказывается частью замысла автора и способом организации модального поля читателя. Синтаксической особенностью повествования рассказа Михаила Шишкина

«Пальто с хлястиком» является членение синтагматической цепочки, оформленное различными способами. Речь идет о целых фрагментах текста, построенных из расчлененных отрезков высказывания. Определить конструкцию экспрессивного синтаксиса и ее границы в таких фрагментах не всегда представляется возможным. В связи с этим целесообразным представляется анализировать целые фрагменты текста, в которых прослеживается синтагматическая расчлененность. Синтагматически расчлененные фрагменты интерпретируются не как нарушение связности, а как части структуры художественного текста, выполняющие определенную функцию в модальном аспекте. В первую очередь здесь следует говорить о глубинной синтаксической семантике отдельного высказывания как части смысловой структуры художественного произведения, включая прагматический аспект [13: 95]. Такая структура обладает признаками иерархии, которая связана со степенью эксплицитности средств связи между частями расчлененных фрагментов и объемом конструкций и их частей. Описать и проследить иерархию можно, начав с маркированных конструкций, которые находятся на нижних уровнях иерархии.

Одиночные парцеллированные конструкции находятся на модальном уровне повествователя и актуализируют важные компоненты высказываний с оценочной семантикой:

«1) В мои семнадцать лет наши отношения дошли до того, что я перестал с ней (мамой) разговаривать. **Вообще.** Жили в одной квартире, но я с ней даже не здоровался» (18)³. 2) «Действительно, я с ней даже не здоровался, но не только потому, что я прочитал “Колымские рассказы” и “Архипелаг”, которые неисповедимыми путями попали тогда мне в руки и многое изменили в юношеской картине мира. **Нет, конечно.** Конфликт возник из-за моей первой любви. Маме не нравилась та девушка. **Совсем не нравилась**» (19).

Повествование в рассказе ведется от первого лица. На грамматическом уровне точки зрения автора и повествователя совпадают. Парцелляция дает возможность выделить элементы, содержащие оценку событий прошлого. Повествователь анализирует частные события и дает им объяснения, а модальный план автора выводит частные события жизни героя на уровень общих социальных и политических проблем. Происходит смыкание частного и общего. Тема «части и целого; частного и общего» является ведущей для рассказа: на это есть указание уже в названии рассказа «Пальто с хлястиком», которое содержит название целого и его части.

Далее следует сказать о фрагментах, состоящих из расчлененных отрезков с эксплицитно выраженными средствами связи, которые формируют план философских размышлений повествователя. Здесь голос автора так же реализуется на модальном уровне, в том числе и благодаря автобиографическим чертам:

«1) Роман, написанный через несколько лет после маминой смерти, начинался в русской литературе, в нем было много цитат, связей, переплетений, а к концу я просто описывал то, что было в моей жизни. **От** сложного к простому. **От** книжного, начитанного – к маминому лифчику, набитому поролоном, который она надевала после того, как ей отрезали грудь. **От** старославянских центонов – к ее тихой смерти, которую она так ждала, чтобы отпустили боли» (21). 2) «И вдруг со мной что-то произошло. **Будто** я попал из ненастоящего в настоящее. **Будто** все чувства, как объектив, навели резкость. **Будто** у всего мира кругом оказалась моя кожа, продрогшая от августовского утреника» (29).

Повтор служебных частей речи, выполняющих функцию средств связи во фрагменте с синтагматическим расчленением, которое маркируется точками, создает иллюзию нагнетания. Семантика фрагментов вновь реализует тему «частного и общего»: мировая литература и частная жизнь матери героя; от огромного мира к кадру в «объективе» зрения героя, смотрящего в прошлое.

На следующем уровне иерархии прочитываются фрагменты, части которых разделены не только знаками конца предложения, но и абзацным членением. (Семантическая значимость графического оформления текста описана, например, в работах Н. Л. Шубиной⁴.) Каждый отрезок оказывается еще более отделенным; замедляется темп чтения. Автор приглашает читателя осмыслить каждый отрезок, при этом оставляя средства связи между отрезками эксплицированными, тем самым предлагая свой ход рассуждений, который так же, как и в предыдущих примерах, организован темой «частного и общего»:

«И меня, когда родился, не хотела крестить. И не потому, что боялась неприятностей, – она была в начале 61-го, когда Сталин еще покоился в Мавзолее, школьным парторгом. Просто искренне не понимала – зачем? Бабушка тайком крестила меня в церкви в Удельной, где мы летом жили на даче.

Да и мне в детстве было ясно, что в церковь ходят только необразованные бабушки вроде моей, с тремя классами приходской школы.

А потом думал, будто старики ходят в церковь, потому что они больше, чем молодые, боятся смерти. И не знал тогда еще, что, наоборот, молодые больше боятся смерти» (21–22).

Вопрос места религии в жизни общества в разные периоды, поднимаемый в данном фрагменте, реализуется не прямыми рассуждениями героя-повествователя, а в размышлениях героя о своем личном опыте, которые грамматически оформлены синтагматическим расчленением с эксплицитно выраженными средствами связи.

Для реализации смысла фрагментов без эксплицитно выраженных средств связи от читателя требуется выстроить причинно-следственные отношения и понять имплицитные смыслы самостоятельно. На уровне текстообразования такие фрагменты формируют сверхфразовые единства, которые реализуют концептуально значимый

смысл рассказа: невозвратности времени, утраты прошлого, тленности всего окружающего в материальном мире и вечности в нематериальном. Концептуально значимый смысл реализуется в рамках темы «частное – общее, глобальное»:

1) «Старшеклассники хотели провести вечер памяти Высоцкого. Коллеги маму отговаривали, но она разрешила. Вечер состоялся. Ребята пели его песни, читали стихи, слушали записи. На директора написали донос.

Школе устроили показательную порку, чтобы другим было неповадно» (19–20).

2) «Маму выгнали с работы. Перенести этот удар она так и не смогла. Школа была всей ее жизнью» (20).

3) «После ее смерти я перевез альбом к себе. А когда уезжал в Швейцарию, оставил все это у брата. Альбомы хранились у него в подмосковном доме.

Дом подожгли. Все наши фотографии сгорели.

У меня осталось только несколько детских карточек» (23).

Глубинный имплицитный смысл реализуется в противопоставлении утраты частных материальных воспоминаний о матери (фотографий, которые сгорели) и нематериальных глобальных вещей. Так формируется мотив хода времени, который становится ключевым для рассказа и сборника в целом. Мотив здесь понимается как «эстетически значимая повествовательная единица» [11: 96].

На верхнем уровне иерархии оказываются фрагменты, состоящие из целого ряда различных экспрессивных конструкций:

«Вдруг ощутил себя не у куста посреди тумана, а посреди мироздания. Да я и был мирозданием. В первый раз я тогда испытал это удивительное чувство. И это было не только предвосхищение всей будущей жизни. Тогда впервые все замкнулось, стало единым целым. Дымок от невидимого костра и мокрое шуршание в траве у меня под ногами. Не умерший папа и ничего не спросивший дядя Витя. Что было и что будет» (30).

Лексический повтор, присоединение, парцелляция формируют фрагмент текста. В таких фрагментах эксплицитно выражены смыслы, которые представлены имплицитно для модального поля читателя во фрагментах предыдущего типа: прошлое и настоящее «замкнулось» и стало «единым». Именно так и устроено то, что мы называем «мирозданием». Читатель, сопоставляя свою интерпретацию текста и эксплицитно выраженную позицию автора, переживает определенные эмоции. На уровне диалога «автор – читатель» читатель оказывается под воздействием эмоциональной программы автора (эмотивный код текста). Воздействие автора лежит в поле формирования перцептивного образа у читателя, о котором психологи говорят как о результате смыслового уровня восприятия речи. Такой уровень восприятия в психологии характеризуется как обусловленный целым рядом факторов, и прежде всего включенностью в активную деятельность⁵. Читатель воспринимает текст не пассивно, а активно участвует в реализации

замысла автора. Такое построение текста иногда связывается с понятием «интеллектуальной сложности» текста.

Расчленение синтагматической цепочки разной степени является средством формирования иерархической синтаксической структуры текста, с помощью которой реализуется замысел автора: концептуально значимые смыслы текста постигаются автором и читателем одновременно, а к пониманию идеи приходит повествователь и эксплицирует ее с помощью экспрессивных синтаксических построений. Экспрессия здесь связана с воздействием на читателя на уровне художественной коммуникации.

В нарративном аспекте особую значимость приобретают фрагменты текста, в которых отсутствуют эксплицитно выраженные средства связи между частями синтагматической цепочки, однако смысловые связи между сегментами легко устанавливаются читателем. Такое синтаксическое построение повествования позволяет автору передать право на формирование смысла текста читателю. Позиция самого автора реализуется на концептуальном уровне не столько через актуализацию частей сегментированных фрагментов текста (как это традиционно интерпретировалось для конструкций экспрессивного синтаксиса), сколько через активизацию читательского сознания там, где требуется установить смысловые связи между частями высказывания и выявить имплицитные смыслы.

В собственно структурном аспекте следует отметить функциональную корреляцию между традиционными конструкциями экспрессивного синтаксиса и сегментированными построениями в тексте. Например, функционально очень схожими оказываются ряд коротких распространенных предложений и цепочка номинативных предложений:

«Очень хорошо помню, как я испытал это в первый раз. Мне одиннадцать. Запах горящих под Москвой торфяников. Мглистые дачные утра 72-го. Привкус гари у всего, даже у горячей клубники с грядки. Мама

едет в отпуск в дом отдыха на Верхней Волге и берет меня с собой. Одно из моих первых путешествий» (10).

Лексический повтор темы функционально коррелирует с именительным темы:

«На одной из них я снят, наверное, отцом, еще на Пресне, но в тот же год мы переехали в Матвеевскую. Я в четвертом классе. На мне пальто с невидимым для объектива хлястиком. Очень хорошо помню то пальто, которое донашивал за братом. Мне все приходилось донашивать за братом. А пальто запомнилось вот почему. Мама часто рассказывала эту историю» (23).

Все анализируемые синтаксические явления можно охарактеризовать как деконструкцию традиционной повествовательной модели, организованной интенцией воздействия автора на читателя. Таким образом, речь идет о господстве не стиля, а материала в текстах [10: 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полисубъектность повествования (герой-повествователь и автор) оказывается мнимой: она полностью строится в пространстве читателя, которому предлагается иерархичная синтаксическая структура текста, реализующая путь к пониманию позиции автора. Особое внимание следует обратить на название рассказа «Пальто с хлястиком» (рассказ дал название всему сборнику). Концептуально название рассказа также реализуется иерархично: хлястик у пальто – отдельная часть пальто, частное; пальто – общее: потянув за короткое личное воспоминание или переживание из прошлого, герой видит общее, глобальное, а через это постигается смысл бытия. Мама держит за хлястик героя, чтобы герой не потерялся – частное, личное, материальное исчезает со временем, но остается глобальное и нематериальное в сознании героя, поколений, народа, страны. Функция заглавия текста с синтагматической расчлененностью усложняется [3: 91]. Расчлененные конструкции – мостик, смычка между полем читателя и автора, которая работает через воздействие на концептуальном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 75–86

² Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.

³ Здесь и далее цитаты из произведения М. Шишкина «Пальто с хлястиком» приводятся по изданию: Шишкин М. Пальто с хлястиком: Короткая проза, эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 7–31. В круглых скобках указывается номер страницы.

⁴ Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

⁵ Восприятие устной речи // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2007. С. 86.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова А. Ю. Образ читателя как литературоведческая категория // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 2. С. 17–26
2. Вяткина С. В. Метаграфемика в создании эмотивного кода русского рассказа XXI века // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Барселона, 2018. С. 1083–1092.
3. Вяткина С. В. Степень синтаксической расчлененности текста и функция заглавия современного русского рассказа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 86–93.

4. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
5. Золотова Г. А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Пленарное заседание: Сб. докладов. СПб.: Политехника, 2003. С. 101–109.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. М., 2004. 554 с.
7. Зорина Е. С. Вставные конструкции в романе П. Крусанова «Железный пар» // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Барселона, 2018. С. 1155–1164.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
10. Парамонов Б. М. Конец стиля. М.: Аграф: Алетейя, 1997. 464 с.
11. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
12. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
13. Думарский М. Syntax, Semantics, and Two Faces of Pragmatics // *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: Spór o pierwszeństwo*. T. I. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. Olsztyn, 2011. P. 81–95.

Поступила в редакцию 22.02.2019

Ekaterina S. Zorina, PhD in Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

SYNTAGMATIC DECOMPOSITION OF THE TEXT: THE MODAL ASPECT (BASED ON THE SHORT STORY “THE HALF-BELT OVERCOAT” BY M. SHISHKIN)

The undertaken analysis of the syntagmatic deconstruction is based on the structural and modal aspects. The chosen approach to the material opens an opportunity to describe the grammar features of the text fragments with the syntagmatic decomposition in terms of the author’s intention. Syntagmatic decomposition is turned out to be a part of the conceptual intention of the author. Moreover, the short story superphrasal structure is hierarchical. The hierarchy is based on the degree of the syntactic link means explicitness and the size of the fragments with the syntagmatic decomposition. Thus, on the highest level of the hierarchy are the syntagmatically decomposed fragments explicating the ideas that the reader has to interpret on the other levels. So, the author’s intention is to activate the reader’s sense through the decomposed structure perception and interpretation.

Keywords: text, modern short story, syntagmatic decomposition, text perception, text structure, expressive syntax constructions

Cite this article as: Zorina E. S. Syntagmatic decomposition of the text: the modal aspect (based on the short story “The Half-Belt Overcoat” by M. Shishkin). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 81–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.390

REFERENCES

1. Bol’shakova A. Yu. Reader as a literary category. *The Bulletin of the Russian Academy of Science: Studies in Literature and Language*. 2003. Vol. 62. No 2. P. 17–26. (In Russ.)
2. Vyatkina S. V. Metagraphics in creating the emotive code of the Russian short story of the XXI century. *Current Trends and Future Perspectives in Russian Studies. Proceedings of the International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona, MKR-Barcelona 2018*. Barcelona, 2018. P. 1083–1092. (In Russ.)
3. Vyatkina S. V. The degree of syntactic text deconstruction and the title function of the contemporary Russian short story. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 86–93. (In Russ.)
4. Dymarskiy M. Ya. Problems of text formation and the fiction text (based on Russian prose of the XIX and XX centuries). Moscow, 2001. 328 p. (In Russ.)
5. Zolotova G. A. Text as the main object of the linguistic and language study. *Russkoe slovo v mirovoy kul'ture: Materialy X kongressa MAPRYaL. Plenarnoe zasedanie: Sb. dokladov*. St. Petersburg, 2003. P. 101–109. (In Russ.)
6. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
7. Zorina E. S. Expletive constructions in the novel *Iron Steam* by P. Krusanov. *Current Trends and Future Perspectives in Russian Studies. Proceedings of the International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona, MKR-Barcelona 2018*. Barcelona, 2018. P. 1155–1164. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to getting knowledge of the language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the cognition of the world. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
9. Paducheva E. V. Semantic studies (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative). Moscow, 2010. 480 p. (In Russ.)
10. Paramonov B. M. The end of style. Moscow, 1997. 464 p. (In Russ.)
11. Silant'ev I. V. Poetics of the motif. Moscow, 2004. 296 p. (In Russ.)
12. Uspenskiy B. A. Poetics of composition. St. Petersburg, 2000. 352 p. (In Russ.)
13. Dymarskiy M. Syntax, semantics, and two faces of pragmatics. *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: Spór o pierwszeństwo*. T. I. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. Olsztyn, 2011. P. 81–95.

Received: 22 February, 2019